

ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Павел Чук

12+

Друзья по несчастью

Павел Чук

**Друзья по несчастью.
Часть вторая**

«Автор»

2019

Чук П.

Друзья по несчастью. Часть вторая / П. Чук — «Автор»,
2019 — (Друзья по несчастью)

Павел случайным образом попадает на инопланетный корабль, который уносится вдаль космоса. Забравшие ГГ инопланетяне предлагают забыть о Земле и смириться с участью. Став солдатом, ГГ проходит путь от курсанта до командира подразделения, но попадает в плен, где встречается с земляком Андреем, с которым пытается выжить, находясь на планете, погружённой в пучину рабства. В оформлении обложки использована работа Марии Грас по лицензии ССО.

© Чук П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Павел Чук

Друзья по несчастью. Часть вторая

Глава 1

Меня мутило, но сигнал внешнего анализатора спасательной капсулы, приятно помигивающий зелёным индикатором, немного привёл в чувство. Сознание постепенно прояснялось. Тошнота отступала.

«Значит, я не разбился при спуске, но самое главное – планета пригодна для жизни! Индикатор горит зелёным сигналом, не жёлтым, показывающим условно пригодную для существования окружающую среду и, тем более, не красным – агрессивную. Повезло! Но где я?»

Дотянулся до рычага аварийного открывания спасательной капсулы. С шипением защитный колпак отстрелился и яркий дневной свет на некоторое время меня ослепил.

«Надо выбираться, но почему капсулу раскачивает, как будто она стоит на шарнирах»...

– Что ж такое! – не сдержался, выругался, после того как осмотрелся. Вокруг, куда только простирался взгляд, вода. Много воды. Из-за этого и спасательная капсула равномерно раскачивалась на волнах, хорошо, что несильно.

«М-да. Попал. И не поймёшь куда плыть».

Дотянулся и зачерпнул забортную воду, попробовал – солёная.

«Ещё лучше! Я что, в океан упал?! И что делать дальше?»

Вернулся к датчикам анализаторов спасательной капсулы. Убедился, что все показатели в норме, кроме одного: индекс гравитации фиксировался ниже привычной на двадцать четыре процента.

«Я-то думал, почему всё так легко даётся и отстегнуться, и подняться, и перевалиться через борт, держась одной рукой, и вернуться назад в ложемент капсулы. Ну что ж, легче будет плыть. Надо определиться только в какую сторону».

Затягивать с выбором направления не стал. Сначала попробовал плыть в спаскапсуле, но нормальных вёсел не было и даже с учётом моей, на четверть повышенной силой это действие оказалось бесполезным. Пришлось разоблачиться из скафандра и остаться только в нижнем белье и спасательном жилете. Благо погода тёплая, но не жарко.

Светило расположилось высоко в зените, но определить время года или, какие на планете особенности погодных условий, мне не удалось. Бортовой компьютер капсулы определить своё местоположение относительно известной карты Галактики не смог, а соответственно и эта планета была неизвестна.

В очередной раз осмотревшись, определил для себя направление, куда плыть. Вдалеке, на границе радиуса обнаружения, бортовой сканер капсулы зафиксировал неподвижный объект, а когда удалось рассмотреть тёмную полосу, я предположил, что это суша и, не дожидаясь ухудшения погоды, прыгнул в воду.

Плыл долго, часто отдыхая. Хорошо, что из-за пониженной силы тяжести физические нагрузки давались легче. Когда солнце зашло, я, падая от усталости, выбрался на песчаный пологий берег, с трудом отстегнул спасательный жилет, поднялся чуть выше линии моря и рухнул без сил, провалившись в беспамятство.

– Гурдун! Ступано вара! – услышал первое, когда очнулся. Попробовал пошевелиться, но руки оказались связаны сзади, а на голове плотный мешок, который не давал возможности рассмотреть, что происходит вокруг. Чувствовал, что лежу на чём-то твёрдом и, наверно, меня везут в повозке.

– Я – Павел Кенгирский! Представитель Альянса! Развяжите! – сказал, откашлявшись, но мои слова потонули в гулком гоготе.

– Павлос! Ог Павлос! Ха-ха-ха. Гуано верана павлос.

– Павлос, ситарно генирта вухуно.

Хохот раздавался со всех сторон, но повозка не останавливалась, продолжала движение.

Сколько времени меня везли неизвестно куда, не понял, несколько раз проваливался в забытьё под мерный скрип повозки. Через надетый на голову мешок не смог понять, день сейчас или ночь. Когда в очередной раз очнулся, разболелась голова, хотелось пить и есть. Я хоть и подкрепился перед заплывом и с собой взял немного съестного из аварийного запаса, но времени прошло достаточно, и жажда, и голод давали о себе знать.

– Есть кто? Развяжите, мне в туалет надо! – сказал, почувствовав, что повозка остановилась, но в ответ вновь услышал непонятную речь. Меня подхватили под руки, сдёрнули с повозки и поставили на землю. Сняли с головы мешок и мой взгляд упёрся в тело, облачённое в кожаную одежду. Поднял глаза вверх. На меня, сверху вниз, скалился человек высоченного роста, метра два с лишним, не меньше.

– Гударо, гударо, – проговорил он, подталкивая меня в спину. Удивляться пришлось недолго. Как только глаза привыкли, увидел, что вокруг меня, так же с завязанными руками, стоят шестеро высоченных аборигенов, а чуть поодаль ещё десяток, облачённых в подобие военной формы и с оружием. Они между собой о чём-то громко говорили, но тут же притихли, когда появился солидно одетый пожилой мужчина. Пришёл к выводу, что прислушиваться к разговору не стоит, всё равно ничего не понимаю и осмотрелся, куда же я всё-таки попал.

Мы, семеро, стояли, выстроившись в шеренгу возле повозки на небольшой, расчищенной от камней площадке, ограниченной с трёх сторон деревянным забором метра в четыре высотой. А с другой стороны, куда только не простирался взгляд, скалистая порода. Обломки камней, гружёные повозки, накрытые тканью, брошенные в кучу инструменты, а невдалеке, в ряд, неказистые бараки.

«Я что, в каменоломню или на рудник какой попал?» – пришла ужаснувшая мысль. По лицам стоявших рядом неизвестных мне аборигенов понял, что дело дрянь. Все, кого я только видел выше меня не менее чем на голову, а если определить средний рост из тех, кто рядом, то выходило, что он составляет не менее двух метров двадцати – двух метров тридцати сантиметров и это при моём метре семьдесят с хвостиком.

«Прям, баскетбольная команда собралась!» – ухмыльнулся я, но подошедший солидно одетый мужчина ткнул в меня своим пальцем и что-то спросил.

– Не понимаю, – мотая головой, но, не делая резких движений, отвечал незнакомцу, – не понимаю, говорю. Я, капитан вооружены сил Альянса Павел Кенгирский.

В этот раз смеха или какой-либо бурной реакции на мои слова не было. Только незнакомец ухмыльнулся, что-то пробормотал себе под нос и, повернувшись к кому-то в форме, сказал: «Мисаро павлос. Ого неро локсата умас».

Тот недовольно кивнул, но, видимо, они пришли к соглашению.

Меня вместе с остальными отвели в барак, где было столько народа, что дышать от спёртого воздуха становилось трудно. Нашёл себе место, где можно было присесть, облокотился спиной к стене, закрыл глаза и попытался сосредоточиться, проанализировать то, что со мной произошло: «по какой-то причине меня выбросило в неизвестный сектор Галактики и не факт, что той, где идёт война между Альянсом и Планетарным Союзом. Я выжил, что уже само по себе неплохо», – улыбнулся, когда промелькнула эта мысль.

«Планета пригодна для жизни, моей жизни. Она населена аборигенами высоченного роста, но с массивной мышечной массой я никого не видел. Но это и неудивительно при такой силе тяжести. Внешне туземцы выглядят такими же, как и я, только высокие. Голова, две руки, две ноги. Черты лица, кожный, волосяной покров – всё идентично. Язык не понимаю, судя

по степени развития, примерно, начало нашей эры на Земле, но точно судить об этом пока не могу, так как слишком мало ещё видел и, считай, ничего не знаю. Из положительного: я жив, здоров. Из отрицательного: даже не знаю, наверно, меня в рабство продали», – пришло на ум самое точное определение, которое само напрашивалось исходя из произошедших событий: нашли на берегу, связали, доставили на рудник, продали. Я сам видел, как солидно одетый мужичок отсчитывал монеты или, что у них тут в ходу.

Что ещё, да. Язык не знаю, пожалуй, тоже отрицательное и мне приходится сдерживать себя в движениях, искусственно замедляя их, чтобы не выглядеть слишком быстрым и резким. Пока не привык к пониженной силе тяжести, хотя иногда тренировки в Академии и проводились при пониженной гравитации, но то тренировки, а тут постоянно».

Из раздумья вывел толчок в плечо. Открыл глаза. Стоявший в лохмотьях немолодой абориген что-то говорил и, объясняясь знаками, звал за собой. Пришлось отвлечься от размышлений, встать и пойти за туземцем...

– Митаро, ун сапона Вунаро.

– Генидоро, ун сапона Магорино...

Двое из тех, с кем я прибыл в эту каменоломню, стояли перед неплохо для такого места одетым мужчиной, сидевшем на нижней части двухъярусной кровати, облокотившись на массивный стол, а вокруг столпились аборигены. Как понял из тона разговора, новенькие представлялись. Кто-то меня подтолкнул вперёд, и я оказался рядом с ними.

Дошла и до меня очередь. Незвестный долго смотрел на меня, а потом сказал, глядя прямо в глаза: «Сар новат ситумс. Гуано сара навази».

Кто-то из рядом стоявших ответил: «Ог ниро новат. Навази Павлос».

Вновь слышались смешки, которые быстро стихли. Незвестный поднялся со своего места и, ткнув себя кулаком в грудь, произнёс: «Ситорана ун сапона Веридава».

– Павел Кенгирский, – ответил по привычке, как в документе, поняв, что от меня хотят.

– Пав-эл, Паввэл, – как будто пробуя на языке это слово, произнёс главный и добавил, – хорос бедиро Павлос.

Перебросившись парой фраз с остальными, Ситорана подозвал старичка, который встал рядом со мной. Слушая разговор старшего, старичок часто кивал, да так, что казалось его голова отскочит и покатится по полу, а потом раздался звон колокола или чего-то другого, но звон стоял знатный, наверно, слышно было очень далеко. Этот старичок ткнул себя рукой в грудь и проговорил: «Торинас ун сапона Торнинас» и потянул за рукав водолазки, указывая, чтобы я пошёл с ним.

Раздающийся звон, оказывается, созывал на ужин. Как-никак вечер и рабочий день закончился. Этот Торинас от меня никуда не отходил, где знаками, где личным примером объяснял, что делать, куда идти.

На удивление, порция в этой непонятной тюрьме оказалась довольно большая и пригодная к употреблению. Я съел объёмистую миску похлёбки с большим удовольствием, а старичок иногда посматривал на меня и переговаривался с рядом сидевшими рабами или заключёнными, я так пока и не понял, но в разговоре постоянно мелькало слово «павлос».

«Они что, меня обсуждают? Ну, да, отличаюсь от них, но только ростом, а так, вполне такой, как они». Прервал размышления мой наставник, как для себя его назвал и утянул в отдалённый уголок барака, знаками объяснил, чтобы я занял верхнюю лежанку и ложился спать.

Сон не шёл, хотя в этот день было много приключений. Предстоял новый день, вероятно, заставят работать, но делать нечего, пока не выучу язык, всё равно ничего не пойму и не узнаю. Этот Торинас что-то пытается объяснять, показывать, но пока доходит с трудом. Хорошо, что после встречи со старшим барака на меня, считай, никто больше не обращает внимания, только иногда ловил на себе косые взгляды.

«Ну, что ж, убивать меня во время сна, наверно, не будут, а отдыхать надо... Хорошо, что одежду не отняли, хоть какое-никакое, но термобельё, да и мой размерчик тут трудно будет отыскать», – с этими мыслями я уснул на жёсткой кровати, больше похожей на длинную, но узкую гладильную доску.

Разбудил голос Торинаса, кричавшего над ухом: «Варо, ундахи гударо» и бесцеремонно трясающего меня за плечо. Разлепил глаза: «Ещё темно, а уже будят. Может, что случилось?» – промелькнула первая мысль. Спросонья не рассчитал свои движения и с силой приложился рукой о стену барака. Было больно. Потёр руку и тут заметил, что наставник смотрит на меня округлившимися глазами. Ничего не понимая, слез вниз и посмотрел сначала на Торинаса, а потом на свою лежанку.

«Что его так удивило?» – использовал нижнюю как ступеньку, приподнялся и осмотрел своё место – всё на месте, а чему там убыть или прибыть? Тощий матрац, да одеяло, а подушки как не было, так и нет. Спустился, и снизу-вверх вопрошающим взглядом посмотрел на наставника. Тот, видимо отошёл от непонятного ступора и что-то быстро и непонятно говорил, размахивая своими длинными руками, тыча в стену, прям в то место, куда неаккуратно приложился рукой. Присмотрелся, а там – мама, дорогая! Доска треснула и выпячивается наружу.

«М-да. Так и накажут за порчу имущества или попытку побега».

Прикрыл несчастную доску одеялом, хорошо, что место, куда пришёлся удар невысоко от уровня лежанки. Спустился вниз к Торинасу и знаками, пожимая плечами и разводя руки в стороны, попробовал объяснить: мол, не специально я, так получилось, но наставник не унимался. Только когда зазвенел громкий звон колокола, наставника как подменили. Он, позабыв обо мне, кинулся из барака, где, как я успел только сейчас заметить, оставались только мы вдвоём.

Успевать за широко шагающим аборигеном пришлось с трудом, как по-другому называть обитателей этой планеты я не знал. Догнал его только перейдя на бег.

Во дворе, возле строений, в три шеренги выстроились обитатели бараков.

«Ну, точно, концлагерь какой-то».

Наставник, как будто вспомнив обо мне, схватил за руку и потянул во второй ряд шеренги, наверно, там было наше установленное место.

При свете дня внимательнее осмотрел окружение: люди, именно люди, только высоченного роста, разного возраста, с бросающимися в глаза отличиями в чертах лица. Одеты кто во что, но только на некоторых из них был, так скажем, полный комплект одежды: верх, низ, обувь и головной убор. Только сейчас до меня дошло, что разут, так как скинул обувь, когда полез в воду.

«И как дальше? По камням ходить без обуви, мало сказать, что неприятно, но можно так повредить ноги, что здешняя медицина не поможет, в чём я не сомневался».

Полукругом расположены бараки – целых восемь и у каждого столько таких как мы бесправных работников, что не сосчитать, но самое примечательное – не видно особой женского пола.

Перед строем громко вещал какой-то напыщенный, одетый в добротные одежды абориген. Как только он закончил свою речь, раздалась команда и вся масса народа повернулась, и зашагала в одну сторону к каменоломне. Я, немного замешкавшись, получил толчок в спину, но реагировать не стал, сам виноват, не знаю и не понимаю пока ещё ничего.

Торинас дёрнул меня за руку, и мы остановились около груды инструментов, наваленных по пути следования. Он знаками объяснил, чтобы я взял молот, а он выбрал себе кирку.

По дороге наставник постоянно объяснял, как называются те или иные предметы, указывая на них пальцем или объясняя знаками. До меня стало доходить. Например, что «гурдун» – это «вперёд», а «гударо» – «пошли». Невдалеке от входа в пещеру, где валялись большие

валуны, Торисан произнёс, поясняя знаками: – Гударо, сегора ана конуриса побнаса конур. Конур, – и наставник ткнул в камень, потом размахнулся и ударил по нему, произнеся: «побнаса».

Слабоумием не страдал и понял, что «конур» – «камень» и его надо дробить, или измельчать – «побнаса»...

Местное светило клонилось к закату, а мы, не переставая, дробили крупные валуны до размера щебня, которым отсыпают железнодорожные пути. Подъезжали тележки, в которые другие работники засыпали щебень и увозили куда-то в другое место. Место, где мы работали – небольшая площадка слева от входа в пещеру, откуда вывозили вагонетки с другим, более тёмным камнем не отличалась от других площадок, расположенных по разные стороны от входа. На различных уровнях по склону пологой скалы стояли, работали, отбивали, отламывали породу такие же, как мы, рабы.

Изредка подходил надзиратель, это я понял, по внешнему виду: он опрятно одет и в руках у него палка на вроде дубинки, с утолщением на одном конце, как бейсбольная бита. Подходил водонос, давая напиться из большой деревянной кружки, которую зачерпывал из прикрытого крышкой так же деревянного ведра.

«Наверно, тут железа мало, не говоря о пластике, но инструменты из металла, конечно, не легированная сталь, но всё же имеются, да и оружие из железа», – ухмыльнулся я, продолжая орудовать кувалдой, но её вес для меня оказался терпимым, даже можно сказать, что лёгкая. Хотя и выглядит массивно и устрашающе. Несколько раз упал, не совладав с непривычной силой тяжести, на что мой наставник неодобрительно что-то говорил, ворча себе под нос.

День клонился к закату. Всё время Торинас объяснял, рассказывал, показывал знаками значения слов, которые была возможность объяснить. Я прилежно их повторял и пытался запомнить.

Раздался очередной оглушительный звон. Торинас, выпрямился, но орудие труда не бросил и привычно сказал: «гударо», знаками объясняя, что инструмент необходимо вернуть назад. Туда, откуда его взяли утром...

Так и прошёл мой первый день на руднике, а сегодня вечером, когда нас позвали на ужин, я, считай, первый раз посмотрел на небосвод. На нём было две луны, что на меня, неискущённого таким явлением, произвело сильное впечатление. Из скудных знаний астрономии, полученных во время обучения при получении гражданства Альянса, вспомнить, сколько планет с двойной луной в известной части Галактики я не смог. Так и стоял под впечатлением от увиденного, не в силах оторваться от красивого зрелища. Одна луна крупнее, исчерчена множеством борозд, которые видны невооружённым глазом, а вторая – серповидная, в белой, мутной дымке.

Опять нас покормили густой похлёбкой, и я вернулся на своё место в бараке. За неполный день немного стал понимать своего наставника или напарника, не знаю, как правильнее его назвать. И отдельные слова, фразы из разговоров окружающих аборигенов, мне уже становились ясны. Хотел было попросить Торинаса вновь заняться моим обучением, чтобы рассказал про счёт, цифры, но увидел, что он уже спит, залез на свою верхнюю полку и прикрыл глаза.

Я лежал и думал, что меня ждёт дальше, как выбираться из этой ерунды, куда попал и понимал, что это необходимо делать срочно, не откладывая. Всего за один рабочий день в бараке стало меньше на десяток обитателей, о чём указывали свободные лежанки, которые ещё совсем недавно, ещё вчера, были заняты. С мыслями о форсировании изучения языка и последующем побеге, я уснул.

По моим подсчётам прошла неделя. Каждое утро начиналось одинаково: построение и движение строем к скале. До захода солнца работа, приём пищи, отдых и так по кругу.

Сегодня, как и всегда, мы с Торинасом опять стояли на дроблении крупных валунов, но место, куда нас поставили было другим, выше по склону, примерно на середине скалы. За прошедшее время я выучил необходимый минимум слов и фраз, чтобы понимать и изъясняться с аборигенами на примитивном уровне. Из скудных объяснений наставника, я понял, что нахожусь в каменоломне одного из богатейших людей этой местности – Люцерия из рода Лонарисов. Здесь находятся как рабы, так и должники, не вернувшие вовремя долг, и преступники, которых предусмотрительно отделили по другим баракам. Как говорил Торинас, если за остальных внесут залог или заплатят штраф, то у них есть шанс покинуть это невесёлое место, но у рабов такой шанс отсутствует, если только не выкупит кто-то другой. Сам Торинас, как понял, попал в каменоломню очень давно, только понять систему календарного исчисления мне пока не удалось. Объяснить на пальцах наставник не смог, а календаря у него не нашлось, тем более писать он не умел, хоть, в свою бытность и прислуживал у какого-то богатея, пока не постарел и его продали проезжавшим мимо торговцам живым товаром...

– Работайте! Светило ещё высоко! – привычно подгонял громким рыком надзиратель.

– Устал я Павлос, недеро винтро серанто, – тихо сказал Торинас, облокотившись на валун, когда надзиратель отошёл немного подальше.

– Не понял, учитель, – проговорил заученную фразу на языке гоннейцев, которому меня обучал пожилой абориген.

– Торинас из рода Торнинас серанто пойдёт к основателю рода, – перефразировав фразу, ответил наставник, но не успел он договорить, как грохот раздался откуда-то сверху, и каменная глыба с нарастающим треском покатила вниз, набирая и набирая скорость, сминая и круша всё на своём пути. Я только и успел, бросить инструмент и, что было сил, отпрыгнуть в сторону.

Не успела пыль окончательно осесть, осторожно выбирая, куда поставить свои босые ноги, вернулся назад и увидел своего наставника. Его ноги привалены валуном, а он сам жадно глотает воздух, пытается откашляться, мотает головой, что-то бормоча от боли.

– Сейчас, сейчас, помогу, – говорил я, путая слова, иногда переходя на привычную речь.

Осмотрелся, но рядом никого нет, даже надзирателя, все почему-то спустились вниз и стоят, уставившись куда-то вверх. Из-за не осевшей пыли плохо видно, но протерев слезящиеся глаза, присмотрелся к валуну: «М-да, большой, наверно, не сдвину один, но попробую, вроде, есть за что ухватиться руками».

С первого раза валун не поддался, но приложив усилия под другим углом, сдвинул его на достаточное расстояние, чтобы вызволить из западни Торинаса, который всё это время что-то неразборчиво бормотал.

– Да, да. Уже освободил. Сейчас посмотрю, что с вами, учитель и спустимся вниз.

Осторожно осмотрел, ощупал наставника. Нижние конечности изогнуты невообразимым образом, виднеются сдавленные, рваные раны. Уже подумал, что позвоночник сломан, но нет, пальцы на одной ноге шевелятся.

– Учитель, потерпите, сейчас помогу, – продолжая расчищать завал, говорил наставнику, который что-то несвязно бормотал.

«Как же его спустить отсюда. На руки брать, только хуже сделаю, а ничего ровного рядом нет, чтобы его положить и вынести».

– Уходи, уходи, – разобрал еле слышное бормотание Торинаса, – такена обвал символа нечасто, но одинаро азитора ундира пришла за мной.

– Сейчас я что-нибудь придумаю, подождите, – не обращая внимания на бормотание старика, искал носилки или тележку, но рядом ничего подходящего не нашёл. Осматриваясь, вверху увидел угрожающе нависшую скальную породу, образовавшую наподобие козырька. Снизу, кто-то из моего барака что-то кричал, махая руками, но надзиратель не мешал ему в этом, что меня несколько удивило.

– Учитель, сейчас будет больно, потерпите. Я вас возьму на руки, и мы спустимся вниз.

Не дожидаясь его ответа, приподнял и взвалил тело Торинаса на плечо и потихоньку, осторожно ступая, начал спуск вниз. Под весом тела учителя себя ощутил в привычной стихии, именно такая нагрузка казалась нормальной для меня и моих, прямо скажем, несильно накаченных мышц. Вес взваленной ноши нивелировал разницу от привычной силы тяжести и нести, примерно, центнер живого веса было нетрудно, только длинные руки Торинаса иногда цеплялись за камни, тормозя спуск.

– Принимайте, – сказал, подскочившим соседям по бараку, которые взяли искалеченное тело и положили его на землю что-то непонятное говоря, повторяя много раз «ундира гударо».

– Павлос, – окрикнул меня надзиратель, указывая назад, откуда я вернулся, – уриг оринто Ниторис надзиратель. Гендо Ниторис, – я молча кивнул. Когда спускался вниз, то видел руку надзирателя, торчавшую из-под завала и понял, что от меня хотят...

«Но почему мне никто не помогает?» – думал, медленно поднимаясь вверх. Как посмотрел, за мной не пытались подняться и помочь в спасении тех, кто, возможно, остался жив под завалами и реакция надзирателя для меня непонятная. На его б месте, всех погнал спасать выживших, а тем более, надзирателя, а не пялился стоя внизу.

«Вот и то место, где видел этого Ниториса. Но, где же он? Неужели ещё камнями привалило?!»

Ходил, прислушиваясь, заглядывая под камни, стараясь найти Ниториса. Но вместо надзирателя увидел копошение под завалом кого-то из рабов.

Ему повезло. Страдальца привалило в пустоте меж трёх массивных камней и, протиснувшись в узкую щель, он судорожно махал рукой, прося о помощи, лепеча еле слышно.

Отодвинуть массивный камень и выпустить заточённого в каменном плену оказалось делом трудным, но с третьей попытки отодвинул массивный валун в сторону так, что невольник смог вылезть самостоятельно и, как только незнакомый выбрался, он, не оборачиваясь, побежал.

– Всегда, пожалуйста, – съязвил я, смотря, как бедолага уносится вниз.

«Что ж они такие нервные, наверняка такие обвалы уже случались, что так нервничать?» – удивлялся я, продолжая искать надзирателя...

Разбирать завал одному не хотелось, но делать нечего. Вернулся к тому месту, где в последний раз видел надзирателя, принялся методично, камень за камнем перебирать свалившуюся породу. Мне на помощь не спешили, а солнце уже клонило к закату, когда всё-таки увидел еле живое тело Ниториса, придавленное грудой камней. Вызволил из плена, поднял его на руки и осторожно спускался вниз, как от неожиданного рыка или хрипа чуть не выронил свою ношу. Хорошо, что ноги не повредил от такой неожиданности. Надзиратель, лёжа на моём плече что-то забормотал, по интонации и оборотам, разобрал, что тот ругается, но понять полностью его речь не смог. Не дошли мы с учителем ещё до принятых на планете идиоматических оборотов, хотя, в нашем мире именно с них и начинают обучение языкам.

– Не волнуйтесь, сейчас спустимся. Немного осталось, – ответил, не оборачиваясь, но он не успокоился, а принялся быстро говорить, а в его нечленораздельной речи слышался ужас и слова молитвы, которую иногда читал мой наставник.

«Да, что ж такое! И половины пути не прошли. Ладно, остановлюсь, передохну заодно», – как можно аккуратнее положил тело Ниториса. Выгнулся, распрямил, размял плечи.

«Всё-таки начинаю привыкать к пониженной силе тяжести, так и совсем одряхлею», – но не успел додумать свою мысль, как вновь услышал рык уже отчётливо, как будто совсем близко. Мельком посмотрел на Ниториса, в его глазах читался ужас. Повернул голову в сторону, откуда доносилось грозное рычание и увидел, что с вершины грациозно спускается животное, внешне похожее на пуму из семейства кошачьих, обитающую на родной Земле. Рыже-скалистого цвета зверь шёл, плавно переступая на своих невысоких лапах, не замечая острые камни. Его удли-

нённое тело равномерно изгибалось, а сравнительно небольшая голова, то прижималась к поверхности, словно зверь приюхивался, то взымалась вверх, осматриваясь по сторонам. Задние лапы выглядели заметно массивнее передних, а хвост длинный и мускулистый, угрожающим хлыстом равномерно стелился, не касаясь поверхности, но главное, меня поразили размеры этой кровожадной твари: в холке, на глаз, зверь достигал моих плеч. Что это именно хищник сомнений не вызвало. Передние клыки хорошо виднелись, когда он, разевая пасть, издавал пронзительный рык.

«Вот, наверно, кого все боялись», – подумал, пятясь назад, ища что-нибудь в качестве оружия. – «Бежать? Смысла нет, догонит и разорвёт».

Глазами нашёл валяющуюся невдалеке кирку с обломанной рукоятью, осторожно поднял и перехватил поудобнее. Посмотрел на Ниториса, а тот, закатил глаза и, казалось, что жизнь покинула его тело.

«Со страху помер или в обмороке? Может, всё же бежать и пусть зверюга пообедает надзирателем», – думал лихорадочно, ища выход из тупиковой ситуации, но приближающийся зверь сделал выбор за меня. Плавно ступая, перепрыгивая с камня на камень, могучая кошка, не обращая внимания на лежащее тело, медленно двинулась в мою сторону.

«Надо взобраться повыше, может, передумает и пройдёт мимо».

Продолжая пятиться назад, осторожно, не делая резких движений, подтянулся на руках и взобрался на валун. «Так-то лучше, всё, какое-никакое, но преимущество».

Встал на ноги и посмотрел вниз, а там, вместо многочисленных невооружённых рабов, рядами выстраивались охранники и надзиратели, вооружённые уже не дубинками и палками, а боевым оружием, непривычно поблёскивающим в лучах заходящего солнца.

– Хорошо, может, и дождусь подкрепления, – выдохнул я, косясь на приближающееся животное, которое остановилось возле валуна и принялось ходить вокруг, обнюхивая.

«Что-то она очень большая. Если встанет на задние лапы, то и до меня дотянется», – отходя в противоположную сторону, посетили недобрые мысли, но зверь, обнюхав основание камня, отошёл чуть назад. Я, было, подумал, что пронесло, и он уходит, но не тут-то было. Зверь развернулся на одном месте, присел на задние лапы, наострил уши, такое ощущение, что морда вытянулась, всматриваясь куда-то вдаль, но не прошло и нескольких секунд, как монстр в грациозном прыжке, вытянувшись на всю длину своего невероятно длинного тела прыгнул на меня, выпустив вперёд свои когтистые лапы.

При пониженной силе тяжести, скорость и быстрота зверя не была столь сверхъестественная, к которой привык на Земле. Тем более, момент атаки ожидал. Вытянутые во время прыжка вперёд лапы зверя чуть не достигли своей цели, но в момент прыжка успел сделать два шага в сторону, уходя с линии атаки и, с размаху вонзил на приземляющуюся тушку кирку острым концом, целясь в голову.

Удар... слышен хруст проламываемого черепа. Выдёргиваю своё оружие и, наношу второй удар, уже по распластавшейся на плоском основании валуна тушке зверя. Кровь хлынула фонтаном, повредил сонную артерию, а я, всё продолжал наносить удары...

Глава 2

– Освободите, – говорил старший надзиратель и, направленные на меня копы поднялись вверх. Он продолжал что-то говорить, но я не обращал на его слова внимания. Меня трясло от выброса адреналина и ярости схватки за свою жизнь...

– Ты понимаешь меня? – донеслись до сознания фразы, сказанные медленно, членораздельно.

Я молча кивнул.

– Почему не убежал, как эти жалкие дритосы иртиноса? – я молча пожал плечами.

– Лидоросна, завтра вечером поговорим. Даю тебе день витронаса, приведи себя в порядок, отдохни, а то воняешь.

Кто-то подтолкнул меня в сторону барака, и я медленно пошёл под впечатлением произошедшего скоротечного боя. На мгновение замешкавшись в дверях, остановился и дождался, когда сердцебиение успокоится, а мысли приобретут осознанность. Осмотрел себя: водолазка, нательное бельё – всё в крови.

«Надо умыться и постираться», – подумал, входя в барак, направляясь к чану с водой, установленному на постаменте для умывания. В полном безмолвии стянул с себя одежду и обмыл тело от липкой, местами запёкшейся крови. Красный ручей побежал по водоотводу. Кое-как пытался застирать снятое бельё, оставшись в одних трусах, но руки продолжали трястись и у меня толком ничего не получалось. Подошёл кто-то из обитателей барака, молча взял из рук мои тряпки и, кивком головы указал, чтобы я подошёл к старшему по бараку.

– Маленький, где ты так научился биться со зверями? Ты беглый солдат или гладиатор? – заговорил Ситорана, когда я уселся напротив него за столом, кстати, единственным в бараке. И только сейчас сделал для себя важное открытие – до меня дошло значение слова «павлос» – это «мало», «маленький», «невысокий». Вот почему все смеялись, когда я представлялся именем «Павел» оно, как-никак точно созвучно с «павлос» и подходит для моего описания.

– Да, я солдат, – ответил, немного задумавшись. Сказать правду, что прилетел с другой планеты, потерпел катастрофу? Но меня не поймут, а навыки и умения, а тем более силу и реакцию, выходящую за рамки обычного представителя местной планеты Пинэя, как её называют местные жители, скрывать в дальнейшем точно не удастся. Вот и ответил, что солдат.

– Звание, чин, где служил? – вмешался другой, рядом сидевший с Ситораной мужчина.

– Не помню. Меня по голове сильно ударили, а потом очнулся в повозке, когда сюда везли, я даже местный язык учил заново, – почти честно сознался я, – а где Торинас, не вижу его?

– Торинас из рода Торнинас ушёл к основателю рода, – сухо ответил Ситорана, но тут же продолжил, – мне говорил ушедший в последний путь, что ты изъясняешься на неизвестном языке, который никто здесь не знает. Ты издалека прибыл?

Я молча кивнул, так как возразить или что-то правдоподобное придумать для оправдания знания другого языка я не смог.

– За то, что спас троих и убил митрассу, – продолжал Ситорана, – Валенторис даровал тебе завтрашний день для отдыха. Сейчас будет ужин, а пока, расскажи о себе, что помнишь. Мы сразу заметили, что на тебе необычная одежда, но думали, что её выдали надзиратели.

– Нечего рассказывать, я помню себя только с момента, как очутился здесь, не знаю даже, откуда меня забрали.

– Но имя то своё помнил и другой язык! – опять вмешался второй.

– Имя, – немного подумал я, – меня так всегда называли: маленький, невысокий. Наверно, только это и осталось в памяти, а язык... я и его не помню, только отдельные фразы, – придумал ответ на провокационный вопрос, немного соврав о знании языка.

– Мне Валенторис сказал, – продолжал говорить Ситорана, – что через неделю приедут покупатели из школы митромассы. У тебя есть шанс показать себя и выбраться из этого гиблого места, если повезёт, конечно. Лучше уж умереть уло матура дрогомира, чем под грудой камней.

– Митромассы? – переспросил я, не понимая смысла сказанного. Некоторые слова я всё также не понимал, но общий смысл фраз мне был ясен, но в данном случае, ничего не понял. «Приезжают из школы, кто? Зачем? И почему умереть «уло матура дрогомира» лучше, чем во время обвала?»

– Митромассы – это... – Ситорана задумался, не зная, как объяснить, но тут вмешался второй, имя которого так до сих пор и не узнал. Он встал со своего места, подозвал какого-то крепкого мужчину, перебросившись с ним парой фраз и принялся изображать схватку. Они ходили по кругу, дрались на импровизированном оружии, а когда один из них упал, то тот, неизвестный, победно поднял руку вверх, а стоявшие рядом зрители, пронзительно, но негромко закричали непонятные фразы.

«Из школы гладиаторов приедут? Они верят, что лучше умереть на глазах у зрителей, но из школы точно не сбежать?! Я-то думал, через неделю, ну две, освоюсь и сбегу из этой дыры, а они предлагают мне попытать своё счастье среди гладиаторов! Бред!»

– Ты понял, Павлос? – вывел из раздумья вопрос Ситорана.

– Да, понял, – ответил, чуть было не сказав, что не хочу становиться гладиатором, а планирую побег отсюда, из каменоломни.

Раздался звон, возвещающий об ужине. На этом наш разговор закончился. Мне принесли ещё мокрую, но относительно чистую одежду и сидя, медленно прихлёбывая уже надоевшую похлёбку, обдумывал сказанное Ситораной, но голова гудела, ноги подкашивались, клонило ко сну. Так что, свои думы перенёс на следующий день, день отдыха.

На следующее утро хотел поваляться подольше, но не дали. Под громкий звон меня растолкали и пришлось выходить вместе со всеми из барака. Уже подумал, что забыли о моём законном выходном, но, когда толпа повернулась для следования по рабочим местам меня окликнул старший надзиратель – Валенторис, подошёл к нему.

– Значит ты солдат, Павлос? – без предисловий заговорил старший надзиратель.

– Солдат, но ничего не помню.

– Такое бывает, но что-то не слышал, чтобы набирали таких хлюпиков как ты. Выглядишь, как ребёнок или карлик. Ха-ха-ха, – рассмеялся своей шутке Валенторис, которому я еле доставал до подмышек и приходилось смотреть на него снизу-вверх, коряво задрав голову, – думаю, что тебе просто повезло и ты остался жив, так как великая матира Одросса посмотрела на тебя, недомерка и смилостивилась, даровав ещё один день жизни. Лидоросна, иди, отдыхай. Вечером поговорим.

Возражать я не стал, зная бы ещё, кто такая или такой «матира Одросса», наверно, кто-то из местных богов, заступающих за слабых и убогих, но это меня интересовало меньше всего. Хотелось вернуться в барак и завалиться на свою жёсткую постель, чтобы вдоволь отоспаться и спокойно обдумать план побега.

– Вставай! Тебя Валенторис требует! – разбудил меня голос, который бесцеремонно кричал над ухом. Мало того, что кричал, так неизвестный ещё и тряс меня с такой силой, что я пару раз ударился головой об стену.

«Э-эх, а просыпаться так не хотелось». Наверно впервые со злополучного дня встречи с кенгирами, который кардинально перевернул мою жизнь, мне снилась Земля, родные... Возлюбленная Вика, с которой так и не поженились.

– Встаю, встаю. Не надо трясти, – ответил, открывая глаза.

В бараке, кроме неизвестного надзирателя, который так бесцеремонно меня будил, никого. Хорошо хоть спросонья не двинул ему промеж глаз.

– Выходи, старший не любит ждать, – пробурчал надзиратель, направляясь к выходу.

«М-да. Вот и обдумал план побега. Как только добрался до своей кровати, сразу вырубился»...

Местное солнце находилось в зените. Осматриваясь по сторонам, побрёл от барака к Валеторису, который стоял с кем-то из подопечных, который злобно скалился, смотря на меня.

– Не может он быть солдатом, уважаемый старший надзиратель Валеторис, не может! – услышал я слова того неизвестного, когда подошёл поближе, – он генеридо! Не верьте ему! Он и пиренту не поднимет, не говоря про интару.

– Помолчи, раб! Знаю, что такой хилый недомерок в бою не выдержит и первого натиска, но я своими глазами видел, как он простой киркой, забил митрассу. Так что передай Тирибону, чтобы подготовил его к завтрашнему вечеру. Я хочу получить за него не меньше тирасси ливёров.

– Тирасси! Да это же... – было всплеснул руками раб, но быстро осёкся под грозным видом старшего надзирателя.

– Павлос. Сегодня переночуешь в другом бараке, там тебе объяснят всё, что от тебя требуется. Не подведи меня завтра, – ухмыльнулся Валеторис и быстрым шагом пошёл в сторону домика для стражи.

Вернуться в барак мне не дали, а сразу вместе с неизвестным мы пошли вглубь территории каменоломни. Оказывается, она простиралась значительно дальше, чем я предполагал. В глубине, прикрытой выступом скалы, также стояли бараки, но более ухоженные и не так плотную, как у нас...

– Павлос, значит, – ухмыльнулся немолодой мужчина, лицо которого покрыто небольшими шрамами, – а меня зовут Тирибона из рода Унисмота. Валеторис сказал, что ты сражался с митрассой и остался жив, – задумчиво продолжил он, придирчиво осматривая меня, что и неудивительно, он – Тирибона, не говоря о высоченном росте, обладал ещё и развитой, по меркам этой планеты, мускулатурой. Воин или солдат? Хотя, какая разница. За короткое время пребывания на Пинэе мне не встречались такие физически развитые представители аборигенов. Его руки бугрились от мышц, а грудь и плечевой пояс, прям, не обхватить руками, но было видно, что Тирибона уже стар и не так силён, как в прежние времена, но подготовку бойца не скрыть и под налётом времени.

– Тирибона, надзиратель сказал, что хочет его завтра продать в гладиаторы и выручить за него не менее тирасси ливёров! – пафосно произнёс мой провожатый. После его слов, сидевший до этого времени с невозмутимым видом Тирибона сначала усмехнулся, а потом расхохотался так, что было, наверно, слышно во всей округе.

«И чего они так смеются? Тирасси – много это или мало? Если судить по реакции этих двух, то много».

– Тирибона, скажите, – осторожно начал говорить, – мне Ситорана сказал, что из школы гладиаторов приедут через неделю, а не завтра.

– Через неделю приедут не из школы, а посланники Люцерия набрать тех, кто умрёт в первый же день во время празднования его пресвятого дня поренданна, да продлятся его дни, а завтра вечером к нам заедут из школы Матиррасуна. Скажу прямо, не самая сильная школа у нас в провинции, но уж лучше поучиться сначала, а потом выйти и порадовать толпу своей смертью, чем умереть со страху, увидав напротив себя разъярённого гонгулита.

– Учитель... – хотел задать вопрос, но Тирибона меня грубо оборвал: «Я не учитель! Я, такой же раб, как и ты», – вскочив на ноги, взревел он. Кто-то за руку утянул меня подальше в сторону от разъярённого гиганта.

– Не любит наш Тирибона, когда его называют учителем, – шёпотом заговорил незнакомец, спасший меня от гнева старого вояки, – он сам когда-то был солдатом, потом открыл

школу гладиаторов, но разорился и за долги его продали сюда, на рудник, обрабатывать. Лучше называй его по имени и не зли его.

– Понял, а я – Павлос из рода Кенгиров, – перефразировав своё имя на здешний лад, представился незнакомцу.

– Знаю, а я Миретос из рода Серитов, меня тоже завтра хотят представить покупателям, но не знаю, подойду ли. Я ж простой интерроста. И оружие в руках никогда не держал, просто сил больше здесь находиться нет, вот и попросился попытать своё счастье, глядишь, и повезёт, не сразу пойду к основателю рода, – улыбнулся он.

Миретос отвёл меня в небольшой барак, даже не барак, а скорее сарай, сколоченный из того, что, наверно, осталось при строительстве барачков. Неказистые стены, местами дырявая крыша, но внутри – лежанки в один ряд, даже наподобие тумбочки у каждой кровати и два больших стола с лавками. Как понял, обитатели этого места принимают пищу внутри помещения, а не выходят наружу, как было заведено у нас в бараке.

Не успел я освоиться в новом месте обитания, как громкий рык Тирибона созвал всех находящихся под его опекой обитателей, которых старший надзиратель определил немного обучиться, чтобы не выглядели совсем доходягами во время представления покупателям.

В строю, перед хмурым взором Тирибона, нас стояло двенадцать, как понял, в основном все в прошлом солдаты, но, почему они попали сюда, ни времени, ни желания спрашивать не было. У каждого своя судьба и своя история, если захотят, расскажут, когда-нибудь, потом, а сейчас, зачем лезть в душу, узнавая неприглядные тайны, за которые расплачиваются до сих пор.

Менее чем за сутки Тирибона, выполняя указание старшего надзирателя, хочет, чтобы мы не ударили в грязь лицом и показали покупателям на что способны, а мастерства и опыта, как преподнести себя, что показать ему явно не занимать, хоть и силёнок мало осталось, стар совсем. Он с трудом долго стоял на ногах, но руки... такую силищу мне ещё видеть не приходилось. Когда Тирибона по очереди боролся с каждым на руках, я понял, что такое «железная хватка». Ни выскользнуть, ни даже пошевелить кистью в его хвате у меня не получилось, а благодаря природному рычагу, против его натиска устоять не было ни единого шанса.

– Слаб ты Павлос, хоть и пришлось попотеть, но устал до тебя, проверяя остальных, – заговорил Тирибона, – ладно, все выходим наружу, разбиваемся по парам и боремся. Силу вашу узнал, теперь посмотрим, что умеете.

Со мной в пару никто не хотел становиться. Остался одиноко стоящий Миретос, который нехотя подошёл ко мне.

– С тобой тоже никого?

Я молча кивнул и предложил ему заниматься в паре. Как потом узнал, среди двенадцати отобранных старшим надзирателем, десять были из одного барака – бывшие солдаты, за разные провинности, уже после ухода со службы, отправленные в каменоломню. Они друг друга знали и не хотели принимать в свой круг посторонних.

Одновременно всем парам места оказалось недостаточно и Тирибона приказал половине усестись и смотреть, как борются остальные, а сам, удобно расположившись на отдельно стоявшей лавке, комментировал происходящее, давая указания, подбадривая и ругая за оплошности. Смотря, как сходятся в схватке первые пары для себя отметил, что это не единоборство, а попросту драка, которая происходит между соперниками и ничего нового это действие мне не открыло. Смесь вольной борьбы, кикбоксинга, тайского бокса, правда, удары ногами противники использовали мало, в основном резкие, мощные удары руками с надеждой на нокаут. Только один в скоротечном бою, сумел сбить противника с ног и провести удушающий приём, чуть не выколов глаза противнику.

– Не завидую сопернику Ситарина. Он силен и жесток в схватке, не шадит соперника, будь то тренировка или бой, – прокомментировал прошедший бой напарник, – вчера он одному руку сломал, но благодаря этому, сейчас я здесь, – ухмыльнулся Миретос.

– Следующие! Встали! Не спать! Выстроились по парам. Начали!

Стоя перед двухметровым гигантом, сначала понадеялся на свою скорость, но разница в длине рук, шаге, нивелировали быстроту моих перемещений. Приходилось бегать вокруг своего соперника, разрывая дистанцию, не давая ему возможности нанести своими длинными руками удар по моей тушке. Со стороны Тирибоны слышалось ворчание, параллельные схватки уже закончились, одни мы кружились, поднимая вихри пыли.

– Что бегаешь, Павлос! Всё равно поймаю! – не выдержал Миретос и кинулся на меня с прямым ударом рукой. Подныриваю под неё, выполняю проход в ноги, но достаю только до одной. Подтягиваю к груди, отрываю от поверхности и, с подсечкой опорной ноги, заваливаю противника на поверхность, удерживая ногу в захвате. Провожу болевой приём на голеностоп, выкручивая его в неестественное положение.

Крика я не слышал, только скрип зубов, утробное рычание и безуспешные попытки достать меня свободными конечностями.

– Стоп, хватит! Понятно, – услышал недовольный голос Тирибоны. Отпускаю захват, подаю руку поверженному сопернику, предлагая помочь подняться, но он, бурча что-то нечленораздельное, поднимается сам и хромая, ковыляет к лавке.

– Ясно всё с вами, – после минутного отдыха, говорил Тирибона, прохаживаясь перед нами, усевшимися полукругом прямо на земле, – переучивать времени нет. Видно, что имеете опыт, но для боя перед зрителями этого мало. Мало только побеждать, надо делать это красиво, чтобы на вас ходили, за вас болели, и не приведи Верисс, когда попросите пощады, вы смогли рассчитывать на благосклонность толпы за предоставленное зрелище. На сегодня всё! Привести себя в порядок и отдыхать! Завтра трудный день.

После ужина, лёжа с зарытыми глазами на своей кровати, долго не мог уснуть. На меня вновь смотрели как на чумного, прокажённого, никто со мной не общался, но в большинстве своём просто не замечали, а после того, как травмировал Миретоса, так и он стал смотреть на меня косо, кидая злобные взгляды.

Вовремя ужина видел, что кто-то ему замотал тугой повязкой голеностоп, он смог ходить, но видно, что это даётся ему с трудом и шанс покинуть каменоломню стремительно снизился, хоть и до этого был весьма невысок...

Неожиданный толчок кровати и кто-то наваливается на меня, сдавливая шею. Лёжа на спине, судорожно пытаюсь освободиться, открываю глаза, но темно, только вижу силуэт, склонившийся надо мной. Своими длинными руками он продолжает сдавливать шею, а я не достаю до его головы и разжать, плотно сжатые на моей шее руки, не получается.

«Расслабился! Думал, что всё, никто не тронет, вот тебе и пожалуйста. Тут конкуренция. Не знаю, сколько человек отберут, но, видать, кому-то перешёл дорогу».

Судорожно открываю рот, пытаюсь захватить спасительный глоток воздуха – не получается. Выворачиваю своё тело и с силой, какая только мне доступна, бью ногой навалившегося на меня неизвестного. Один удар, второй. Чувствую, что силы постепенно покидают и третий удар получается совсем слабым. Темнота.

От ледяной попавшей на лицо воды прихожу в себя и судорожно, взахлёб, жадными глотками набираю воздух, приподнимаясь на кровати, осматриваюсь. Надо мной, чуть склонившись, нависает чья-то фигура.

– Живой он.

– Путь подойдёт.

Слова, фразы слышались как в тумане. От кислородного голодания мозг не успел вернуться в нормальное состояние и сказанное я понимал с трудом.

– Что сидишь, тебя Тирибона зовёт! – подтолкнул, склонившийся надо мной.

Растираю лицо, поднимаюсь со своей лежанки и иду на тусклый свет. За столом сидит недовольный Тирибона, а рядом стоит Миретос, который держится за бок и злобно смотрит в мою сторону.

«Так это он хотел меня задушить?! Но, за что?!»

– Что вы тут себе позволяете? – взревел Тирибона, когда я подошёл ближе, – ты, Миретос, разве не знаешь, что за убийство раба хозяина наказание одно – смерть! Вам выпала великая честь пойти служить другому и умереть с оружием в руках, а вы! Миретос! Я к тебе обращаюсь, зачем ты напал на такого же раба, как и ты?

– Он мне ногу повредил! И теперь хожу – хромаю, что я смогу показать сегодня вечером? Меня не выкупят, и я останусь здесь, глотать пыль, пока интересвира инрато.

– Думаешь, месть это лучшее, что можешь придумать? Теперь у тебя ещё и рёбра сломаны и вечером ты точно ничего толком не покажешь. За тебя и ситемма не дадут! Вантир, позови надзирателя.

Миретос не извинялся, не умолял, не просил простить его, а стоял и смотрел на меня. В его глазах читалась ненависть, досада, обида и... бессилие. Если б не проснувшиеся и собравшиеся вокруг нас остальные обитатели барака, он бы завершил начатое и убил меня, зная, что ему всё равно потом не жить...

«За смерть раба от руки раба, наказание одно – смерть», – повторил для себя, пожалуй, первый закон, который услышал в этом мире, когда недовольный тем, что его потревожили, надзиратель выводил Миретоса прочь из сарайчика.

– Павлос! – окрикнул меня голос Тирибоны, – иди, отдыхай, скоро утро. Больше тебя никто не потревожит...

– Повезло тебе Павлос, – услышал голос с соседней лежанки, – если б не я, пошёл бы на встречу к предкам.

– Спасибо, – ответил, укладываясь на постель.

– Не благодари. Меня зовут Вариторис из рода Трансинориса. Хорошо ты этого Миретоса отделал, даже, считай при смерти, а поломал его знатно. Где служил? – всё также, чуть шёпотом, говорил мой сосед.

– Не помню, – в очередной раз соврал, придерживаясь своей легенды.

– Ну, не хочешь говорить – не надо. Но видно, что выучка у тебя совсем иная, отличная от обычных паритонцев, может, ты из личной гвардии? Хотя, туда, как знаю, таких недомерков не берут. Даже меня не взяли, когда проходил отбор у нас в отряде.

– А ну, тише! Спать мешаете! – повысив голос, сказал кто-то из соседей с другой стороны.

– М-да. Командиров развелось, ладно, отдыхай. Завтра, точнее уже сегодня, важный для всех нас день.

Мне так и не спалось, а хотелось поговорить, узнать то, что может пригодиться вечером.

– Вариторис, ты спишь? – спросил через некоторое время, когда все мои попытки уснуть, оказались тщетными.

– Нет, тоже не могу уснуть, – донёсся еле слышный шёпот.

– Пошли, водички попьём и поговорим, – предложил я, вставая с лежанки.

– Пошли, попьём, что не попить.

Мы расположились на лавке у входа, возле бадьи с водой. Вариторис оказался уже немолодой, убелённый сединами мужчина, хоть и по возрасту младше Тирибоны, но всё равно, в его взгляде виднелась мудрость прожитых лет.

– Вечером трудно придётся, надеюсь, что больше никто не сломается и останутся силы, чтобы показать себя во всей красе, – задумчиво произнёс Вариторис. Сидя рядом с ним, я чувствовал себя ребёнком возле взрослого мужчины, не только смотря на его габариты, но слыша мудрость в словах.

– Я ж, по меркам бойцов арены, стар уже. Хоть и силёнки остались, но повезло, когда у нас в бараке отбирали тех, кто хочет попытать своё счастье, сражаясь на потеху публики, только я и Санирони вышли из строя. Всё равно, лучше уж с мечом в руках умереть, цепляясь за жизнь, чем медленно задыхаться от каменной пыли и непосильного труда.

– Санирони? – спросил я, так как не слышал этого имени за короткое время пребывания в этом бараке.

– Да, его день назад во время тренировки убил Ситарина. Глупо конечно, но такова судьба, благодаря превратностям которой, ты появился здесь, – задумчиво произнёс Вариторис.

– Не знаете, что вечером будет? Мы друг с другом будем сражаться, так же, как и вчера?

– Не знаю, Павлос, впервые удаётся попасть в число счастливыхчиков, а не на убой, как преступник.

– Счастливыхчиков? – не понял я.

– Ну, да. Как-то приезжали, набирали тех, кто должен умереть на потеху толпе, сражаясь с обученными бойцами или против диких зверей. У таких шансов очень мало выжить, но если купят в школу, то появится возможность сначала обучиться, а потом выйти под рёв толпы и показать, чего ты стоишь, – ухмыльнулся Вариторис, а я подумал, что мне что-то подобное уже говорили, но, наверно, я не понял в тот раз смысл, а сейчас до меня дошло, что это действительно шанс вырваться отсюда, – и совет тебе, Павлос, – продолжил Вариторис, – не убегай от противника и не поворачивайся спиной туда, где будут стоять покупатели. Они этого не любят, а так, на всё воля Верисса... Пошли спать. Надо набраться сил. Надеюсь, что судьба не сведёт нас завтра друг против друга.

Вариторис поднялся и протянул мне свою руку. Обменявшись рукопожатиями, мы пошли каждый к своей лежанке. Незаметно для себя провалился в сон, который прервался командами Тирибона.

«Уже утро? Так быстро?!» – подумал, встрепенувшись от громкого крика.

– Вставайте лежебоки! Привести себя в порядок и выходите наружу! Буду из вас непобедимых подобно Вериссу делать! – кричал почти над ухом Тирибона.

– Мне с кем заниматься, Тирибона? – оставшись один, когда все остальные разбились по парам, подошёл и спросил у наставника.

– Сейчас должны привести кого-нибудь, а пока ждешь, иди с камнями позанимайся, не сиди без дела, – и Тирибона кивнул в сторону груды разнокалиберных камней, обвязанных для удобства толстой сетчатой верёвкой – получились своеобразные гири.

«Камни, так как камни, позанимаемся с ними, а заодно и посмотрим, что мои соперники умеют».

Подобрал более-менее по весу подходящую связку камней и повернулся лицом к занимающимся. Сам я гиревым спортом не интересовался, но по телевизору, да и в интернете иногда смотрел, как жонглируют тяжёлым снарядам, и сейчас импровизировал, как мог, стараясь не привлекать к себе внимания.

Тирибона недовольно прохаживался между парами, кому тихо, а для кого, чтобы все слышали, указывал на ошибки. Как понимал, он учить новым приёмам или захватам, или ударам не собирался, да и поздно учить и переучивать. Только в кино за один день разучивают приём или удар, который не знал или не видел ни разу, а потом сразу, в реальной схватке виртуозно исполняют. Тирибона указывал, помогал определить слабые и сильные стороны каждого, преподнести себя в лучшем свете, показать индивидуальность, чтобы заинтересовать покупателей.

– Что-то долго партнёра не ведут. Я так и останусь крутить «гири» до самого вечера, – недовольно бурчал себе под нос в очередной раз поднимая над головой небольшой валун.

– Павлос, иди сюда! – услышал долгожданный голос Тирибона, обращённый ко мне, – поменяйся с Менорисом, покажи, что ты в прошлом бою продемонстрировал.

Я выполнил проход в ноги. Опять захватил только одну, вторую так и не получалось подтянуть и зафиксировать в захвате, но всё равно противник вновь, с подсечкой, упал.

– Видишь, Менорис, как это делается? А у тебя как? Руки в растопырку, словно, раненый куркулис стремится к добыче. Запомнил? Продолжай! А ты, Павел, – Тирибона чуть задумался, – иди, занимайся. Ещё не привели тебе пару.

Спорить с ним не стоило, и я покорно вернулся назад. Занятия с камнями-гирями надоели. Тем более, что они хоть и выглядели массивно, но с учётом пониженной гравитации для меня слишком лёгкие, как двухкилограммовым снарядам заниматься.

«Надо не терять время, а разогреться к вечеру. Уже полдень, а я так всё ерундой занимаюсь, хоть мышцы приведу в тонус», – мысленно успокаивал себя, перевязывая валуны, подбирая оптимальный для себя вес, чтобы не перемудрить с нагрузкой.

– Вот теперь другое дело, – похвалил себя, оглядывая получившийся снаряд – цельный каменный валун, перетянутый толстой верёвкой, доставал мне до колена, – главное, чтобы верёвка выдержала.

Сделал десяток упражнений и не заметил, как ко мне подошёл Вариторис.

– Павлос, отдохни, попей водички, наставник перерыв объявил, – от неожиданного окрика, валун вырвался у меня из рук и с гулким стуком, поднимая клубы пыли, повалился на землю.

– Ой! Так и пришибёшь ракинatis верноваса! – пробормотал Вариторис, отскакивая в сторону.

– Извини, не заметил, как подошёл.

– На, попей, – протягивая кружку, сказал Вариторис, а сам подошёл к выпавшему снаряду и, схватившись одной рукой за верёвочную ручку, попробовал оторвать его от земли – не получилось. Взялся двумя руками и, присев, помогая себе ногами, оторвал его от поверхности, но быстро, с выдохом, опустил его назад, не сдвинув с места.

– Тяжёлый? – спросил я, допив остатки воды.

– Ну, да. Как ты его тягаешь?

– Руками, – ответил улыбаясь, возвращая пустую кружку.

– Хватит отдыхать! Все собрались вокруг меня! – крикнул Тирибона.

Краем глаза видел, как только что от него убежал какой-то раб, с поклоном, долго говоривший с пожилым наставником.

– Покупатели приехали и идут сюда, – строго заговорил Тирибона, окидывая всех суровым взором, – так что, слушайте! Когда вас будут спрашивать, отвечайте без утайки, с почтением, не дерзите. Говорят, дерись, значит деритесь, что есть силы. Оружие, если будете удостоены чести биться с оружием, сами не хватайте, дождитесь, когда его принесут. Не бегайте от противника и не просите пощады! Бейтесь до конца, пока не встретитесь с основателем рода. Перед и после боя поклонитесь противнику и в сторону почтенных господ и молчите, пока вас не спросят!

– Тирибона, они уже здесь, – прошептал кто-то из нас, украдкой показывая кивком головы на процессию, возглавляемую старшим надзирателем...

– Так-так, что тут у нас? Опять, уважаемый Валеторис хочет избавиться от отребья, получив за это деньги, – говорил молодой на вид, хорошо одетый человек, которого сопровождало ещё четверо с оружием со знаком на левом плече, говорившем о положении раба.

– Что вы, молодой Мераза, неужели ваш отец недоволен моим товаром? Кстати, почему уважаемый Матиррасуна лично не прибыл, он обещал.

– Отец поехал в соседнюю провинцию и поручил мне отобрать новых бойцов. Так что, давайте не будем тянуть игара за хвост, с кого начнём?

Валеторис подал сигнал и Тирибона отошёл в сторону, открывая наш строй, в котором мне выпало стоять последним.

Мераза подходил к каждому, осматривая, проверяя руки, заставляя приседать, сгибаться, доставая руками земли, а когда очередь дошла до меня, он долго смотрел, ничего не говоря и отвернувшись, сказал: «Ну, что ж, теперь посмотрим, что они могут. Тирибона, надеюсь, составит нам компанию, как-никак, мастер знает своих подопечных».

Установили два кресла под быстро натянутым навесом, под которым уселись Валеторис и Мераза, а Тирибону усадили на лавку невдалеке, чтобы тот мог рассказывать и комментировать происходящее.

– Так, давайте начнём с первого и четвёртого, пусть дерутся пустыми руками, – устроившись в кресле, заговорил покупатель.

Всё время, пока проходили схватки, я ловил на себе осторожные, иногда удивлённые взгляды со стороны, как рабов, сопровождающих Меразу, так и его самого.

– Всё понятно, – лениво смотря пятую пару бойцов, сказал Мераза, – Тирибона, что можешь сказать о последнем, как его зовут?

– Павлос его зовут, говорит, что бывший солдат, как и все, кто представлены вашему взору, – учтиво ответил Тирибона, – но он ничего не помнит.

– Солдат значит... Уканора!

– Здесь, мой господин, – к Меразе сделал шаг один из рабов, облачённый в кожаную жилетку на вроде кирасы и длинным мечом на поясе.

– Уканора, проверь маленького, – ухмыльнулся Мераза.

– С оружием или?.. – в поклоне спросил раб.

– С оружием, – и обращаясь к Валеторису, продолжил, – надеюсь, вы не против?

– Нет, уважаемый, но...

– Ну, так дайте ему меч или копье, – раздражительно прервал старшего надзирателя Мераза.

– Павлос, подойди. Тирибона, помоги, – выкрикнул Валеторис, когда я думал, что про меня забыли. Все пары, кто быстро, кто медленно и неинтересно, провели свои схватки, а я так и стоял один, шурясь под лучами заходящего солнца.

Ко мне подскочил Тирибона и что-то начал очень быстро говорить, но только когда тот совладал с собой, понял его речь: «Павлос, тебе выпала великая честь сразиться с самим Уканора! Он уже немолод и сейчас обучает новичков, редко выходя, радуя толпу своим появлением, но совсем недавно его имя было известно каждому в провинции! Тебе с великого позволения уважаемого Меразы позволено самому выбрать оружие».

«Оружие? Но я, кроме абордажного клинка, ничего в руках не держал!» – вдруг посетила меня неожиданная мысль.

– Меч, короткий, – ответил, совладав со своим страхом.

– Короткий? У твоего противника двуручный, ты не удержишь удар своим клинком, возьми ещё щит.

«Верно, принять удар двуручника на короткий меч – нереальная задача, придётся взять ещё щит, но маленький, я видел такой у некоторых надзирателей, вооружённых саблями, или ятаганами, не разбираюсь в этом».

– И щит, но круглый, как у во-он того надзирателя, – ответил, указывая на стоящего чуть вдалеке надзирателя, с интересом рассматривающего разворачивающееся действие.

Тирибона удалился. Не прошло и нескольких минут, как мне передали круглый щит, закрывающий почти половину моей тушки и меч. Хорошо, что учёл здешние размеры. Этот, по их критериям короткий меч, оказался вполне нормальным полуторником, с удобной рукоятью и достаточно хорошо сбалансированным для обычного оружия надзирателей.

Когда стоял готовым к бою, а рядом, горой возвышался Уканора, вдруг на ум пришли наставления Тирибоны. Повернулся, поклонился сначала в сторону, где восседали старший надсмотрщик с покупателем, а потом поклонился противнику, на что Уканора ответил коротким поклоном и вынул свой меч, дожидаясь команды начала схватки.

Глава 3

– Ну, ты и мастак сказки рассказывать, – смеясь, улыбнулся сидевший в повозке рядом с Вариторисом.

– Не сказки! Я сам не видел, но надзиратели между собой рассказывали, что Павлос обычной киркой забил до смерти митрассу, а ещё, он так кричал, что думали, в него вселился сам бессмертный Тирсиона!

– Ха-ха-ха, – раздался дружный смех.

– Смотри, очнулся! Полей на него воды, быстрее в себя придёт.

– Павлос, ты как? Голова болит?

Я открыл глаза и перед собой увидел склонившееся лицо Вариториса. Попробовал приподняться, но не получилось.

– Что случилось, я ничего не помню, – заговорил, пытаясь собрать остатки памяти в единое целое. Голова гудела, а когда рукой коснулся своего затылка, почувствовал саднящую кровью рану.

– Гы, всё-таки знатно его Уканора приложил, – раздался голос откуда-то из-за спины Вариториса.

– Павлос, нас купил уважаемый Мераза и мы едем в школу его отца. Сейчас мы в повозке, вместе с другими рабами.

– Купил, я победил в схватке?

Раздался оглушительный хохот, который постепенно утих под взглядами неизвестных рабов, которых, вроде, раньше не видел.

– Нет, Павлос, ты не победил. Разве ничего не помнишь? – всё также снисходительно говорил Вариторис.

– Не помню, – чуть приподнявшись, ответил я, принимая протянутую кружку с водой.

– Тогда слушай. Не знаю почему, но наш новый господин выставил против тебя одного из самых обученных бойцов, которые были вместе с ним, тем более, на битву с оружием. Схватка длилась недолго, если честно. Даже я с Мырантой возился дольше, но как только подали сигнал, ты, прикрываясь щитом, ринулся на Уканору, сближая дистанцию. Даже я, стоя вдалеке от места схватки, почувствовал, что твой противник... нет, не струсил, а не ожидал такого натиска. Он пропустил удар в нагрудник и тут, началось. Меч Уканоры то взмывал вверх, то опускался вниз, но на том месте, где ты только что стоял, тебя уже не было. Как ты только умудрился щитом, попасть по ноге Уканоры! Хотя, да, ты же павлос Павлос, – тут я услышал смех, который ударил по ушам, но моё состояние к этому времени улучшилось, перестало мутить, – так что, у тебя щит опущен и на твою голову опустилась рукоять меча, да с такой силой, думал, что всё – уйдёшь к предкам. Когда к тебе, лежащему в пыли, подошёл Уканора, Мераза остановил схватку, не дав ему проткнуть твоё сердце, – Вариторис сделал многозначительную паузу, – кстати, за тебя дали тмирасси ситеммов, поверь это много для обычного раба, которого купили на один – два боя.

Я откинулся назад и прикрыл глаза. «Значит, я всё-таки покинул злосчастную каменоломню».

– Вариторис, сколько нам ехать? – спросил чуть погодя, обдумав свои мысли.

– Скоро уже, говорят, что к вечеру прибудем в поместье Матиррасуна. Третий день в пути, есть хочешь? Я тебе приберёг краюху.

Жуя чёрствый размоченный в воде хлеб, думать ни о чём не хотелось, просто ждал, когда прибудем в поместье и выпустят из клетушки, уставленной на повозку. Смотри в лица окружавших меня рабов, видел и знакомые по каменоломне, но были и новые, которых раньше не видел. Они держались обособленно, как рассказал Вариторис – это беглые, их выкупили день

назад у проезжавших мимо охотников за рабами и их судьба незавидна. Я сначала не сообразил, зачем они нужны в школе, но потом понял, что это куклы, на которых отрабатывают свои навыки бойцы, чтобы не калечиться самим.

Уже стемнело, я лежал и смотрел на небо, когда повозка остановилась.

– Вылезайте! Стройтесь! Из каменоломни налево, остальные направо.

Большой двор, в стороне двухэтажное здание, а нас построили перед отдельно стоящей одноэтажной постройкой.

– Я, кто не знает, помощник мастера Митрополюса Уканора и всё время, денно и ночью буду рядом с вами.

– Вы, – командовал Уканора, стоя перед строем, – те, кто справа – туда, – он указал на большую клетку рядом со стеной одноэтажного здания. Быстрее! Там приведите себя в порядок и спать! Не шуметь! Еду получите утром.

– А вы, – Уканора чуть прихрамывая, прохаживался перед строем из шести человек, придирчиво осматривая каждого. Когда он остановился напротив меня, долго смотрел, не отводя взгляда, но я выдержал игру в гляделки, – вы мыться и располагайтесь в сарае. Пока вы не бойцы! И жить среди воинов вам не положено. Утром с вами поговорит сын нашего хозяина – Мерраза. Приготовьтесь к разговору, помойтесь, побрейтесь. От вас не должно вонять. Одежду отдайте, её сожгут в знак того, что с этой минуты вы кандидаты в славную школу уважаемого Матиррасуны... Куринаса, где ты?

– Я здесь, всё слышал, всё объясню, расскажу, – из-за спины Уканоры вышел пожилой раб.

– Это Куринаса наш врачеватель, он вас осмотрит, выдаст мази, если потребуется, – с восходом солнца подъём. Чтобы сами проснулись, поднимать никого не буду. Первый раз проспите, останетесь без еды, второй раз, пойдёте к этим... – Уканора презрительно кивнул в сторону притихших в клетке рабов, – всё, идите, Куринас, останься.

Одноэтажное здание оказалось какой-то хозяйственной постройкой, но внутри были чаны с тёплой водой, разложена простая, но чистая одежда. Не дожидаясь команды, все, как один, скинули свои лохмотья и бросили на пол, кто-то ещё раздражённо на них потоптался. Расставаться с термобельём не хотелось, но водолазка, а самое главное, портки уже в таком состоянии, что, не задумывая скинул всю одежду в одну большую кучу.

– Мойтесь, и по одному подходите ко мне, – говорил, усевшись за единственным столом Куринас, раскладывая какие-то принесённые с собой снадобья.

– Уважаемый Куринас.

– Я не уважаемый. Я такой же, как вы – раб. Так что, обращайтесь ко мне просто – Куринас из рода Мисамотира.

– Я Сатипона из рода Видава.

– Я Митори из рода Укалона...

Каждый начал громко говорить своё имя, представляясь как врачевателю, так и присутствующим, оказывается, не все знали имена друг друга. Когда очередь дошла до меня, я привычно представился: «Павлос из рода Кенгиров».

– Да, да, я уже видел таких маленьких людей. Но их очень – очень мало, они в детстве часто болеют и не доживают до зрелого возраста, – покачал головой Куринас, – но, если доживают, становятся сильными и быстрыми.

– Куринас, а почему никого в школе нет, где наш хозяин? – спросил Сатипона, когда тот его осматривал.

– Наш с вами хозяин с некоторыми бойцами поехал в соседнюю провинцию на малозначительный турнир. Будет через три дня, если дела не задержат в пути. Сейчас, главным остался Меризза и его помощник – Уканора, слушайте их. Следующий.

– Так, Павлос, – обращаясь ко мне, заговорил врачеватель, когда я, помывшись, предстал перед его взором, – говорят, что тебе досталось от Уканоры, не тошнит? Голова болит? Руки, ноги целы?

– Всё хорошо, Куринас, оклемался пока ехали.

– Возьми мазь и намажь виски. Быстрее в себя придёшь, смотрю, шишка-то большая, а рана на лбу, вроде, затянулась, лучше не трогать, хотя шрам и останется, – ухмыльнулся врачеватель.

– Шрамы украшают мужчину, – ответил я, надевая чистую одежду.

– Да-да ты прав, но где-то я уже слышал это высказывание, следующий.

Когда Куринас окончил осмотр, пришёл Уканора и повёл нас в соседнюю комнату, где на полу валялись тюфяки, набитые не то сеном, не то соломой.

– Слушайте меня, кандидаты в школу уважаемого Матиррасуны, – громко говорил Уканора, – сейчас поешьте и отдыхайте. Завтра начнём обучение. Куринас сказал, что больных, калечных среди вас нет, в чём я не сомневался. Так что, отдыхайте.

– Мастер Уканора, скажите, а когда станем бойцами? – спросил Митори.

– Неправильно, что называешь меня мастером. Мастер в школе один и это Митрополиус, который сейчас отсутствует. Обращайся ко мне просто «боец Уканора», а вы бойцами школы уважаемого Матиррасуны станете после первого сражения на арене. Если доживёте до этого, – с ухмылкой сказал Уканора, давая понять, что разговор закончен...

– Вот дела, – сидя на тюфяке и медленно пережёвывая оставленную в помещении еду, заговорил Вариторис, – я знал, что среди рабов есть свои касты, но, чтобы подняться, считай, до верхней ступеньки и не мечтал.

– Верхней, это как? – спросил, не понимая, что имеет в виду.

– Как тебе сказать. Видно, что ты издалека, ну или, правда, память отшибло. Раб рабу рознь. Самые привилегированные – это личные учителя, наставники детей хозяина, его наложницы, а также те, кто выполняет квалифицированную работу. Ты, Павлос, например, считать умеешь? Делать записи, вести учёт, что прибыло, что убыло или умеешь ковать железо?

– Нет, не умею, – ответил, не таясь, так как считать по-местному, так и не научился, а тем более писать и орудовать в кузнеце.

– Такие рабы очень ценятся. Их берегут, хотя, и не всегда. Когда много знаешь про тёмные делишки, сохранить свою жизнь очень трудно.

– А бойцы, выступающие на арене?

– Бойцы, выступающие перед зрителями, умирающие на глазах многих сотен глаз – это следующие в иерархии среди рабов. Потом те, кто выполняет грязную, обыденную, каждодневную работу, ну, а самые отверженные, да ты их видел – это беглые. За них никто не вступится, не защитит. Один раз преступили закон, другого пути нет, только смерть. Их и в каменоломню не посылают.

– Разве у нас есть какие-то права? – удивился я, хотя и не был силён в истории, а тем более в устройстве здешнего мира, но фильмы из прошлой, земной жизни, давали представление о рабстве как таковом, особенно фильм про Спартака. Прямо, как только попал в школу к Матиррасуне, так сразу на ум пришёл этот фильм, ну, думаю, один в один.

– Права? А что это? – удивился собеседник.

– Как тебе объяснить, например, тебя обвинили в чём-то, что ты не совершал, а тебе за это грозит наказание смерть. Например, ты можешь доказать свою невиновность или...

– Или Павлос. Можешь обратиться к суду богов и тебе никто не вправе отказать в этом.

– Суд богов? – не понял я.

– Да, суд богов...

– Дайте поспать, ещё наговоритесь! – крикнул кто-то лежавший около стены.

– И верно, Павлос, давай спать. Утром трудный день. Будет время, ещё поговорим.

Я лежал, откинувшись, на удобном, хоть и жёстком тюфяке. Сон не шёл. Наверно, выпался за время путешествия, да и храп соседей не располагал к просмотру сновидений. Как только забрезжил рассвет, вышел наружу – никого, дверь не заперта, даже у ворот нет стражи или какой-либо охраны.

«Чудеса!» – подумал я, прохаживаясь, осматривая своё новое место обитания. Посмотрел на клетку, в которой, прижавшись друг к другу лежали отверженные. Прошёлся, посмотрел место, как понял, где проводятся тренировки. Достаточно большое, огороженное невысоким забором открытое пространство, на котором увидел пару турников, груды камней, обвязанных верёвкой, как в каменоломне, непонятные конструкции, наверно, тренажёры для отработки специфических ударов или умений, а также шведскую стенку, сколоченную из тонких брёвен, вкопанную в противоположном углу.

Недолго думая перепрыгнул невысокий забор и пошёл к турникам, по пути увидел, что шведская стенка новенькая, недавно сделана, даже смола в некоторых местах ещё сочится.

Запрыгнул на турник, сделал несколько подтягиваний, покрутился, выполнил подъём переворотом, спрыгнул.

«Слишком легко. Нужна нагрузка, мышцы уже привыкают к пониженной силе тяжести, а надо держать себя в тонусе».

В куче обвязанных верёвками камней нашёл подходящий, с длинным концом. Принёс к турнику, обвязался верёвкой, а вот запрыгнуть с грузом не получилось, пришлось сделать сначала подставку для удобства запрыгивания на снаряд.

– Эй, Павлос! – оторвал от моего занятия окрик Уканоры.

Спрыгнул, отвязался и бегом предстал перед ним.

– Молодец, рано встал. Как голова?

– Спасибо, боец Уканора, не болит.

Утро началось с разминки. Нас построили и заставили выполнять разные упражнения на координацию: ходили по горизонтальному бревну, а также силу и ловкость. За всё это время я не видел других бойцов, может, все уехали с хозяином, но ближе к полудню с другой стороны усадьбы послышался звон оружия, громкие, подбадривающие выкрики и предсмертные возгласы.

Когда солнце перевалило за полдень, к нам вышел Мераза. Изрядно уставшие, мы предстали перед ним.

– Кандидаты, – обратился Мераза, – вам выпала высокая честь представлять школу бойцов моего отца – достопочтенного Матиррасуны. Вы, первый мой опыт самостоятельного выбора, не подведите. Через несколько дней вернётся мой отец, докажите перед его очами, что достойны являться бойцами школы. Вашим наставником и мастером, с позволения моего отца, назначается Уканора. Выйди, боец.

Уканора сделал шаг вперёд, по растерянному виду пожилого бойца увидел, что он не ожидал такого поворота событий.

– Уканора. За короткое время тебе надо обучить тех, кто стоит передо мной. С сегодняшнего дня ты назначаешься старшим и ответственным за их обучение. Открою тайну для тебя и для всех. Возможно здесь, в усадьбе, будет две школы бойцов – школа моего отца и школа вашего господина Меразы из рода Матиррасуны. Но для этого через месяц вам надо выстоять в бою против бойцов моего отца, тем самым доказав мой верный выбор и право организовать школу под своим именем. Сейчас, отдохайте. Уканора, подойди ко мне.

– Что-то непонятно, как так?! В одной усадьбе и две школы. И почему без старшего хозяина объявляют...

– Тишина! – прервал тихий шёпот, подошедший от господина Уканора, – слушайте меня. С сегодняшнего дня для вас я – мастер. Мои команды, приказы, – это приказы нашего госпо-

дина, уважаемого Меразы. Сегодня после обеда почистить, проветрить, привести в порядок вот это здание, как внутри, так и снаружи, – он указал на одноэтажную постройку позади нас, – нам с вами здесь жить. Так что, старайтесь. Всё что понадобится, спросите у меня. Сейчас обед и, за работу!

Сидел за столом, ел вполне пригодную в пищу похлёбку, но главное – хлеба было вдоволь, бери, сколько хочешь.

– Сатипона, что хотел сказать, когда мастер перебил тебя?

– Понимаешь, Павлос, я не слышал, чтобы в одной усадьбе существовало две разные школы бойцов или уважаемый Матиррасуна уходит на покой, или...

– Почему не может? – вмешался в разговор Вариторис, – я слышал, что в провинции Савиноса есть очень сильная школа, которая управляется двумя или тремя мастерами, не помню, как она называется, но в ней занятия новичков и опытных бойцов разделено.

– Ты сам ответил на свой вопрос, Вариторис, это одна школа, но разделённая на ранги по опыту.

– Всё равно не понимаю, – сказал, доедая свою порцию.

– Тогда меньше думай, – ухмыльнулся Сатипона, – приедет хозяин и всё узнаем. Плохо, что он приезжает уже через день, а если молодой хозяин сказал, что нам предстоит биться с его бойцами, то месяца для подготовки мало. И будет ли этот месяц...

– Поели, тогда за работу, – вышел из-за стола Уканора, который вместе с нами принимал пищу, только сидел вдалеке, разговаривая с кем-то из рабов.

– Почему женщин не видно, помогли бы нам навести порядок, – вставая, задал никому не обращённый вопрос.

– Что ты, Павлос, видать тебя сильно по голове ударили?! Женщины, те, кто у хозяина, только в доме прислуживают, работают. Остальные обязанности выполняют мужчины. Если, конечно, за какую провинность их не отправят, но проще другим методом нерадивую наказать, – ухмыльнулся Вариторис.

«Прям, рай, получается», – думал, пока убирал, носил мусор, менял воду, мыл полы в нашем новом жилище. Под вечер увидел местных женщин: высокие, выше меня на голову, фигуристые, прям, как будто сошли с подиума и приятные лицом. Во мне неожиданно разыграло естество, пришлось присесть на скамейку и отдышаться.

– Что, Павлос, тяжело? – ухмыльнулся Вариторис, – ну, так думай о предстоящих боях и славе. Вот станем бойцами, может и нам разрешат даже жениться, а если нет, найдётся какая-нибудь, чтобы скрасить холодные ночи своим теплом.

Я ничего не ответил, смотря, как девушки-рабы стелют постели и носят под строгим присмотром Уканоры какую-то утварь.

– Сегодня тренировки не будет. Ужин и отдыхайте, спальные места распределите сами. Я в соседней комнате, так что не кричите и не храпите громко, – как солнце коснулось горизонта, всех нас собрал Уканора и объявил радостную весть. За половину дня непривычной работы мы выбились из сил и еле стояли на ногах. И это, считай, ничего не делали, всего лишь привели в порядок помещения в обычном, одноэтажном здании.

– М-да, тепло, хоть и лето заканчивается, но великий Устирос не обделил нас своим взором.

– Устирос? – первый раз услышал это слово.

– Да, великий Устирос. Его лик к нам приходит каждое утро и прячется далеко-далеко, чтобы вновь явиться на следующий день.

«Я понял, что они так называют местное светило. За непродолжительное время нахождения здесь, всё больше убеждался в схожести нашего древнего земного мира и здешнего уровня развития цивилизации. На память пришли когда-то давно, мельком прочитанные романы про попаданцев, может, им устроить культурную революцию? Вспомнить из чего состоит порох,

какие механизмы и прочие изобретения: там фрезерный станок, токарный, гончарный круг и предьявить миру?»

Поставил пустую миску на стол. Их заберёт и отнесёт на кухню кто-то из obsługi дома. Благо, что от приготовления пищи и всякой бытовой рутины мы, как бойцы, будем освобождены полностью, но пока приходится выполнять тот необходимый минимум, чтобы поддерживать порядок где живём.

– Павлос, ты выбрал себе лежанку?

– Нет, но вроде их много. Нас всего шестеро, а спальных мест приготовили десять, пока есть из чего выбирать, так что, перед сном определюсь.

– Смотри, как знаешь, я себе слева вторую от входа присмотрел... Что-то устал сегодня с непривычки. Пойду я, не засиживайся. Завтра опять поднимут с восходом.

Солнце зашло, но темно ещё не было. Зажгли одинокий масляный осветитель и я по привычке пошёл к месту тренировки. Только сейчас заметил, что в клетке, где были рабы, остался только один раненый с перевязанным боком и головой. К клетке подходить не решился, мало ли что.

Перемахнув через заборчик, потягал немного камни, позанимался на турнике и, когда уже собирался уходить, в темноте ночи увидел Уканору, который стоял у противоположной стены у входа с оружием в руках.

– Что, не спишь?

– Рано ещё, мастер, – ответил с поклоном.

– Тогда останься, поможешь. Пошли за мной... возьми за ручки и крути, – мы подошли к непонятному деревянному коробу. С первого раза, а ещё в темноте заходящего солнца не понял, что это, но, когда мастер указал, что делать и после поворота ручки, как конструкция ожила, я понял – это тренажёр для отработки уклонений и ударов. Жерди с непредсказуемым алгоритмом выскакивали из своих гнёзд и устремлялись к стоявшему напротив мастеру. Он ловкими движениями, где уклоняясь, где, парируя своим двуручным мечом колющие удары жердин, стоял напротив, прямо скажем не примитивного тренажёра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.